

ОТЗЫВ

Прошу официального оппонента кандидата филологических наук, доцента Дмитренко Сергея Федоровича на диссертацию Лардыгиной Ольги Александровны по теме «Тема одиночества в художественном мире М.Е. Салтыкова-Щедрина», представленной на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01. Русская литература

Творческое наследие М.Е. Салтыкова-Щедрина относится к вечным ценностям не только отечественной, но и мировой литературы. Усилиями постсоветской щедринистики оно переведено из разряда выдающейся общественно-политической сатиры в высший круг литературы (Аристофан, Рабле, Сервантес, Свифт, Гофман, Гоголь...), где комические доминанты обеспечивают выразительное изображение психологических тайн человека и общества, предлагают их философское осмысление на основе общечеловеческих ценностей.

Это актуализирует настоящее диссертационное исследование, сама тематика которого предполагает устремлённость к широким обобщениям как в национальном, так и во всемирно-историческом аспекте. Выявление особенностей воплощения темы одиночества у Салтыкова-Щедрина должно открыть нам как новые качества потенциала щедринской поэтики, так и её гносеологические возможности.

В результате оценки литературного и конкретно-исторического материала для проведения исследования обоснованно были избраны биографический, историко-литературный, сравнительно-исторический и культурно-исторический методы исследования.

Научная новизна исследования О.А. Лардыгиной состоит в том, что на основании системного подхода к анализу воплощения темы одиночества у М.Е. Салтыкова-Щедрина она сделала научно обоснованные, свободные от

политической конъюнктуры выводы о специфике эволюции понятия «одиначество» в художественном мире М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Теоретическую значимость имеет достаточно полное истолкование и систематизация темы одиначества и в жизни и творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина, выявление её особенностей, связанных как с психологическими, так и с творчески воспринятыми писателем философскими и литературными аспектами. Принцип осмысления салтыковской рецепции одиначества и его литературных выражений может быть приложен ко многим явлениям литературы и искусства не только XIX, но и XX века, вплоть до нашей современности.

Практическая ценность работы состоит в том, что её результаты могут быть использованы в ходе дальнейшего, на современной основе изучения творческого наследия М.Е. Салтыкова-Щедрина, его генезиса, литературного и общественного влияния, а также в практике преподавания курсов истории русской литературы, истории русского романтизма, в специальных курсах и семинарах на филологических и философских специальностях вузов.

Общая оценка содержания диссертации, её достоинств и недостатков в содержании и оформлении.

Диссертация имеет обычную для современных литературоведческих трудов структуру: она состоит из введения, обосновывающего актуальность, научную новизну, практическую значимость и методологию исследования, двух глав, заключения и списка литературы (327 пунктов). Несмотря на известные нынешние сложности терминологии отечественной науки о литературе, находящейся в периоде соединения достижений советских десятилетий с разработками зарубежных учёных XX века, текст диссертации О.А. Лардыгиной свидетельствует о стремлении автора к ясной, внятной кодификации изучаемых литературных явлений и фактов.

В первой главе исследования «Особенности художественного воплощения темы одиночества в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина» предложены перспективные модели одиночества – романтическая и реалистическая, первая из которых, во всяком случае, имеет конкретное философско-эстетическое наполнение, а вторая, социально-психологического характера, может быть принята как рабочая.

В особом разделе первой главы – «Мотив игры как маркер “антимира” и одиночества героев» – справедливо отмечается и показывается важность мотива игры в художественном мире Салтыкова-Щедрина, конкретизируется его использование для воплощения в произведениях темы одиночества и его причин.

Опираясь на классические (Й. Хейзинга) и современные работы (И.Ю. Рогатнев, Т.А. Глазкова), диссертантка показывает, что мир, создаваемый Салтыковым уже в прозе 1840-х годов, предстаёт в двух измерениях: одно – реальное и «перевернутое» одновременно, материализовавшееся в художественном произведении в виде «социальной антиреальности» (формула И.Ю. Рогатнева), другое – «идеальное», воплотившееся в представлениях главного героя о нормальном человеческом общении.

Для изображения одиночества Салтыков «использует особые маркеры, которые указывают на одиночество, а так же определяют его масштаб или степень». Диссертанткой устанавливается две таких степени, которые условно названы «нарастание одиночества» и «пик одиночества». К маркирующим факторам одиночества отнесён мотив игры, выступающий в начале творческого пути Салтыкова «маркером одиночества, а затем маркером антимира, в котором “нормальные” герои чувствуют себя лишними, потерянными и крайне одинокими. В этом случае мотив игры маркирует одиночество уже опосредованно, через маркирование героев антимира, создающих своей игрой, имитирующей жизнь, ситуацию одиночества для главного героя» (С. 40). Справедливо показывается, что мотив игры-обмана, возникший у Салтыкова в прозе 1840-х годов, появляется

и в «Дневнике провинциала в Петербурге», где Провинциал попадает на мошенническую удочку. В своем одиночестве Мичулин и Провинциал ищут выхода из этого состояния в жизни, но сталкиваются с игрой как подменной жизни настоящей. Рассмотрен и аспект мотива игры в художественном мире Салтыкова, который связан со сменой социальных ролей а пореформенном российском обществе (т.е. изменение правил *игры* для одной из социальных групп, а именно для дворянства как сословия) стало причиной «потерянности дворянства как класса, а, соответственно, и причиной возникновения одиночества в социальных масштабах». Хотя связь этого аспекта социально-психологических конфликтов того времени с комплексом значений понятия «игра» нуждается, на наш взгляд, в особой разработке.

Некоторая терминологическая размытость заметна в целом удачном разделе 1.3. первой главы – «Одинокый герой в ситуации православного праздника». Здесь ситуация православного праздника также рассматривается в качестве маркера состояния одиночества, хотя празднество как таковое, тем более, религиозное, является действием, объединяющим и примиряющим людей. В художественном мире Салтыкова-Щедрина «выпадение» героя из ситуации народных гуляний, из общего праздничного ликования говорит об аномалии в его взаимоотношениях с миром и катастрофическом одиночестве (С. 56 и след.), но, думается, здесь следовало бы отметить и то, что Салтыков, последовательно избегавший не только антирелигиозных, но даже антицерковных (в отличие, например, от Н.С. Лескова) тем в своём творчестве, тем не менее, прочувствовал и отразил в своих образах и положениях, среди которых и подробно проанализированные О.А. Лардыгиной, разраставшийся во второй половине XIX века кризис русской православной церкви.

В разделах 1.4. и 1.5 первой главы – «Воспоминания о детстве и уход в мечты как маркер состояния одиночества» и «Автобиографическое начало как элемент поэтики одиночества в произведениях Салтыкова-Щедрина» – убедительно показана романтическая природа мотивов, связанных у

Салтыкова с детством, но всё же им должен быть присвоен не только титул «самый яркий маркер одиночества» (С. 204). Они очевидно отражают известную философскую ситуацию романтического двоемирия, тотально переживавшуюся Салтыковым на протяжении всей его жизни. Также автор исследования, на наш взгляд, не всегда учитывает абсолютную творческую свободу Салтыкова в обращении с материалом, включая автобиографический, которая просматривается уже в его раннем творчестве и утверждается, начиная с «Губернских очерков» и вплоть до «Пошехонской старины». Но едва ли здесь есть вина диссертантки: принятый ею подход насаждался в щедриноведении десятилетиями, в том числе и в трудах заслуженно уважаемого С.А. Макашина и пока аналитически не преодолён.

Завершает первую главу диссертации раздел 1.6. – «Пространство и время в поэтике одиночества в произведениях Салтыкова-Щедрина». Здесь в соответствии с темой исследования дана интересная разработка образа дороги у Салтыкова, символизирующего неприкаянность и неопределённость положения героев в земном мире, а также образов вечера и ночи, картин зимнего пейзажа.

Исследование эволюции темы одиночества на уровне предложенных романтической и реалистической моделей развивается во второй главе «Актуализация моделей, форм и типов одиночества в раннем и зрелом творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина». Здесь проводится и типологизация одиночества при создании автором образов персонажей.

Анализ в разделе 2.1. – «Модели одиночества в ранних повестях М.Е. Салтыкова-Щедрина» – убедителен, хотя, вероятно, дискурс о романтическом двоемирии, причём на общеэстетическом уровне также, уместнее было бы сосредоточить в первой главе.

В разделе 2.2. – «Трансформация ранних моделей одиночества в типы в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина» – уместно отмечена связь прозы Салтыкова 1850-х – начала 1860-х годов с традициями «натуральной школы», но сказавший «а» вызывает желание услышать от него и «б», ибо

Салтыков эти быстро рутинизированные традиции решительно в своём творчестве преобразовал.

Заслуживает внимания и дальнейшего исследования предложенная гипотеза о формировании в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина двух типов героев – «жертв» и «хищников» (раздел 2.2. и раздел 2.3. «Особенности типизации одиночества в “Дневнике провинциала в Петербурге” и “Убежище Монрепо”»), хотя положение гипотезы, что модель романтического одиночества трансформируется в тип одиночества «жертвы», а модель реалистического одиночества – в тип одиночества «хищника» дискуссионно и, при верности в частности, едва ли поддастся универсализации, особенно в историко-литературном контексте.

К подробному анализу раздела 2.4. – «Одиночество “жертв” и одиночество “хищников” в романе “Господа Головлевы”» – в качестве перспективного обсуждения – можно прибавить рассмотрение эпизода «гомерической игры» в карты (глава «Семейные итоги»), во время которой «Иудушка остаётся дураком с целыми восемью картами на руках, в числе которых козырные, туз, король и дама».

Раздел 2.5. – «Модификация типологии одиночества “жертв” и одиночества “хищников” в романе “Пошехонская старина”» – отраден тем, что внимание диссертантки к тексту несколько отводит её от гипноза пресловутым «автобиографизмом». Хотя утверждение, что в романе «Пошехонская старина» Салтыков «создает своего рода иерархию пороков и добродетелей человечества, соотнося их с состоянием одиночества» (С. 202), представляется чрезмерным – побочным следствием увлечённости автора избранной темой.

В заглавии раздела 2.6. – «“Сказки для детей изрядного возраста” М.Е. Салтыкова-Щедрина как обобщение типов одиночества» – вызывает сомнения само это наименование: «Сказки для детей изрядного возраста», ибо оно относится к изданием сказок в нелегальной печати, неподконтрольной Салтыкову. Хотя в целом можно согласиться, что в

сказках Салтыкова содержатся многие художественные обобщения, связанные со всем его творчеством, в том числе и с воплощениями типов одиночества.

Представленные в Заключении обобщённые результаты исследования убедительны, хотя линия эволюции темы одиночества в художественном мире произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина видится ещё более сложной и эстетически завершённой. Она не только претерпевает «эволюцию от взаимодействия романтической и реалистической моделей до сложной типологии одиночества, основанной на делении персонажей на типы “жертв” и “хищников”, но, имея в истоке осмысленные Салтыковым положения философии романтизма с её ключевым постулатом двоемирия, в итоге их и подтверждает, однако уже плодами щедринского художественного творчества, представляющего самобытную литературную систему. Впрочем, О.А. Лардыгина, очевидно, сознаёт это, ибо делает оговорку в добавление к своим выводам, что выявленная ею типология претерпевает постоянные уточнения и дополнения «в связи с изменением и усложнением взглядов писателя» (С. 207).

Кроме вышеобозначенных, анализ диссертационного сочинения также вызывал другие замечания и вопросы, требующие дальнейшего обсуждения. Прежде всего они связаны с излишним доверием автора к самохарактеристикам писателя, нередко в своих оценках собственной жизни и судьбы, переходившим, в противоречие с фактами, к образным интерпретациям. Знаменитая «оброшенность» Михаила Евграфовича, вплетавшаяся щедриноведами многих поколений в их труды, редуцируется салтыковской перепиской, многочисленными эпистолярными и мемуарными свидетельствами современников. Сегодня мы можем уверенно утверждать: детство Салтыкова не было безрадостным, его женитьба состоялась по сильной любви и оказалась для его творчества даже удачной, а его супружеские отношения оставались в обычных рамках отношений между супругами: с ревностью, с противостоянием жизненным неурядицам, с

конфликтом характеров. Взаимоотношения Салтыкова с родственниками, при непредвзятом прочтении сохранившейся переписки, также нельзя назвать экстремально конфликтными. То, что диссертант называет «скитальческой жизнью» Салтыкова (С. 82), исходило (и всего лишь до 1868 года) не только из принуждения (служба в Вятке), но и из его стремления послужить родине на государственном поприще, причём в глубинке. На наш взгляд, «ощущение личной неприкаянности», если оно и было у Салтыкова, надо связывать главным образом с его страданиями от продолжительных болезней суставов, преследовавших Михаила Евграфовича с молодости. Человек в нездоровьи всегда одинок, даже если он поддерживается близкими, и как раз в обыденностях своих болезней, усугублявшихся психологическими особенностями личности Салтыкова, следует искать источники лейтмотивной для его творчества темы одиночества. Диссертантка справедливо отмечает влияние поэтики романтизма и её доминант на творчество молодого Салтыкова, но в дальнейшем осмысление одиночества, сохраняющее связь с тотальным конфликтом романтизма (двоемирие), поддерживалось так сказать собственным двоением его бытия: здоровый аналитический дух Салтыкова жил в изнемогающем от нарастающих страданий теле.

В «Списке литературы», отражающем библиографическую подготовку и научную обеспеченность диссертанта, вызывает удивление то, что произведения русских классиков (пункты 2–6, 9) даны в массовых изданиях, включая сакрального орловца Тургенева (он представлен книжкой, выпущенной в 1985 году казахстанском издательстве «Жазушы», хотя невозможно поверить, что научно состоятельные, комментированные издания русских писателей отсутствуют в Орле). В библиографический список включены издания для школьников и культурно-просветительские (пункт 10, 318), учебники (пункт 27, 54, 133, 169, 183 и т.д.). Очень сомнительным является введение в библиографию известного Словаря В.И. Даля в изуродованном современном издании (Эксмо, 2005; пункт 314).

Биография Салтыкова, написанная С.Н. Кривенко, очевидно, изучалась по фрагментам (см. пункт 137), хотя в качестве свидетельства современника она, в соответствии с темой исследования, заслуживала более внимательного отношения. Здесь должен заметить: как составитель двухтомника «М.Е. Салтыков-Щедрин: Pro et contra» я, разумеется, считаю его полезным изданием, но сама специфика серии допускает публикацию в ней научных трудов в отрывках, так что нередко публикация в «Pro et contra» лишь указатель для исследователя, но не полноценный источник информации (также отмечу, что это издание в списке литературы почему-то разнесено по томам: пункты 17, 170 – при частичной росписи также по статьям).

Автореферат и семь публикаций отражают основные положения диссертации. Апробация результатов научного исследования прошла на пяти научных мероприятиях, где автор выступал с докладами, хотя, если судить по информации, содержащейся в автореферате, среди них не было специально щедринистских. Можно сожалеть, что автору не удалось вынести на таковые свои научные гипотезы и их разработки: обсуждение материалов диссертации со специалистами, несомненно, внесло бы в исследование как минимум перспективные векторы поиска, в частности, в сфере проблемы «Творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина в контексте философии романтизма».

Высказанные замечания связаны с материалом, отрефлексированным в диссертации, и потому имеют совещательный характер, не оказывающий существенного влияния на общую положительную оценку представленной к защите диссертационной работы.

Диссертация О.А. Лардыгиной соответствует паспорту специальности 10.01.01 – Русская литература, отвечает требованиям пп. 9–11, 13–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции постановления Правительства Российской Федерации

от 01 октября 2018 г. № 1168), а её автор – Лардыгина Ольга Александровна – заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

4 декабря 2019 г.

Дмитренко Сергей Федорович,

кандидат филологических наук,

специальность 10.01.01,

доцент,

проректор по научной и творческой работе

федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Литературный институт имени А.М. Горького»;

адрес: 123104, Москва, Тверской бульвар, 25.

телефон: +7 (495) 694-06-78

сайт: <http://litinstitut.ru/>

Подпись Дмитренко С.Ф. удостоверяю

Инспектор по кадрам М.В. Андрич